

Федоровская Дарья Александровна

студентка

Научный руководитель

Бобровникова Наталия Сергеевна

старший преподаватель

ФГБОУ ВО «Тульский государственный

педагогический университет им. Л.Н. Толстого»

г. Тула, Тульская область

КИБЕРБУЛЛИНГ: ОПРЕДЕЛЕНИЕ, ХАРАКТЕРИСТИКИ И РОЛЕВЫЕ ПОЗИЦИИ УЧАСТНИКОВ

***Аннотация:** в статье освещается анализ кибербуллинга как специфической формы агрессии, осуществляемой в онлайн-среде. В работе рассмотрены некоторые определения кибербуллинга, выявлены его ключевые отличия от традиционного буллинга, такие как анонимность, распространенность и круглосуточная доступность. Особое внимание уделяется анализу ролевых позиций участников кибербуллинга, что позволяет наиболее полно рассмотреть динамику этого феномена.*

***Ключевые слова:** кибербуллинг, виртуальное пространство, агрессор, жертва, наблюдатель.*

В XXI веке тема кибербуллинга в интернет-пространстве получает широкое распространение и еще большую актуальность, рассматриваемую с разных точек зрения. Данная тема вызывает широкий общественный резонанс и дает базу для исследований среди психологов, педагогов и социологов.

С развитием информационного общества и появления новых технологий возникли и новые вариации различных форм девиантного поведения, и одной из них является кибербуллинг. Сложная специфика кибербуллинга, отличающая его от обычной травли и заключающаяся в множестве своих проявлений, обуславливает различную трактовку его определения разными учеными. Термин кибербуллинг – это относительно новое понятие, означающее проявление агрессии

и травли по отношению к людям в интернет-пространстве. Однако этому понятию предшествовал термин «буллинг».

Первое эмпирическое исследование по проблеме травли было опубликовано *К. Дьюкс в 1905 году*. Д. Олвеус, П.П. Хайнеманн, А. Пикас и Е. Роланд, являющиеся основоположниками разработки теоретической концепции буллинга, независимо друг от друга начали изучать это явление среди подростков в 70-х годах, проведя первый лонгитюдный анализ подростковой агрессии в школьной среде. Они определили понятие травли (bullying от англ. bully – хулиган, драчун, задира, грубиян, насильник, bullying – запугивать, издеваться, тиранизировать) [1].

Таким образом, Д. Олвеус определяет буллинг как преднамеренное систематически повторяющееся агрессивное поведение, включающее неравенство социальной власти или физической силы [2]. Это определение буллинга было одним из первых, предложенных учеными. Согласно Дж. В. Патчин и С. Хиндуджа [5], кибербуллинг же представляет собой преднамеренное действие с целью нанесения травмы или повреждения, используя компьютеры, мобильные телефоны и другие электронные устройства, против тех, кто не может предотвратить или остановить это поведение. П.К. Смит с соавторами [7] определяет кибербуллинг как агрессивный преднамеренный акт, осуществляемый неоднократно, группой или индивидуально против жертвы, которая не может себя защитить, посредством электронной формы связи (чаще с помощью смартфона или сети Интернет). Оба понятия кибербуллинга дополняют друг друга и дают наиболее широкое понимание специфики данного процесса.

До появления Интернета и его повсеместного распространения, и использования проблема буллинга могла решиться путем смены деятельности (смены школы, работы), однако при кибербуллинге жертве издевательств скрыться от агрессора почти невозможно. В связи с чем выделяют одним из главных отличий кибербуллинга от буллинга возможность агрессора проявлять психологическое давление на жертву 24 часа в сутки или невозможность жертвы скрыться от кибербуллинга (из-за постоянного доступа к интернет-ресурсам человек может

подвергаться насилию постоянно) [8]. Именно в этом и заключается основная особенность кибербуллинга, однако есть и другие, такие, например, как: анонимность (исследования показывают, что «кибер-жертвы» в большинстве случаев не знают, кто агрессор [9]; кибербуллинг может происходить абсолютно везде и в любом месте, при этом если в реальной жизни человека в момент инцидента может кто-то поддержать или вступить за него и прекратить буллинг, то в виртуальной среде человек даже если и заручится поддержкой со стороны, то это может не дать такой результат; безнаказанность, ощущение вседозволенности и невозможность деанонимизировать личность агрессора дает возможность выступить в качестве агрессора как незнакомым людям, так и знакомым [10].

Впервые Д.Ольвеусом было описано два типа участников буллинга: «школьный хулиган» и «мальчик для битья» [4]. Впоследствии они превратились в уже привычные «агрессор» и «жертва». Исследовательницей К. Сальмивалли также были выделены те, кто поддерживает и поощряет агрессора (помощники агрессора), и те, кто пытаются защитить жертву (защитники), а также еще одну группу, где большинство пассивны и не заинтересованы в решении проблемы буллинга, они выступают в роли наблюдателей [6]. Помимо этого, был выделен еще один тип участников буллинга – это те, кому довелось выступать как в роли жертвы, так и в роли преследователя. Они были названы, в соответствии с терминологией Д. Олвеуса, «хамелеонами» [3].

Развитие исследований кибербуллинга обусловило акцентирование внимания на ролевых позициях «помощников агрессора», «защитников» и «наблюдателей», занимающих пассивную позицию в ситуации травли. Вместе с тем, анализ ролевой структуры кибербуллинга связан с объективными сложностями, обусловленными потенциально широким охватом аудитории, выступающей в качестве «свидетелей» в сетевом пространстве.

Учеными Бочавером А.А., Хломовым К.Д [11] было выделено, что существует четыре категории детей, занимающихся кибербуллингом, в зависимости от мотивации к этому занятию: 1) «ангел мести» (ребенок ощущает чувство правоты, часто мстит за то, что сам оказался жертвой); 2) «жаждущий власти»

(кибербуллер хочет контроля, власти и авторитета, при этом может быть меньше и слабее сверстников, более уязвимым) 3) «противная девчонка» (данный тип присущ как девочкам, так и мальчикам; занимается кибербуллингом ради развлечения, целью является запугивание и унижение других); 4) «неумышленные преследователи» (включаются в кибербуллинг в ответ на поступившую угрозу, в которую их вовлекают как свидетелем, так и соучастником).

Так же ими отмечается, что и буллинг и кибербуллинг могут быть как прямым, так и косвенным. Прямой кибербуллинг – это личные угрозы в сторону жертвы, без чьей-либо помощи, через письма или сообщения. При косвенном в процесс запугивания жертвы привлекаются другие люди разных возрастных категорий, не всегда с их согласия.

Несмотря на количество различных классификаций ролевых моделей, исследователи сходятся на трех основных ролевых позициях в феномене кибербуллинга – это агрессор, жертва и наблюдатель.

Говоря о личностных характеристиках кибербуллеров, исследования [12] показывают, что они чаще всего имеют заниженную самооценку и чувство собственного достоинства, сниженную чувствительность по отношению к страданиям других, в целом более низкий уровень эмпатии, самоконтроля, высокий уровень импульсивности. Для кибербуллеров характерен агрессивный юмор. Подобный стиль юмора у киберагрессора может быть способом совладания с трудностями и сниженной самооценкой. Неадаптивные стили юмора киберагрессоры используют для увеличения популярности, получения удовольствия и повышения социального статуса.

У жертв кибербуллинга наблюдается заниженная самооценка, повышенный уровень тревоги, чувство одиночества, гнева и печали, аффективные расстройства, психосоциальные проблемы, проблемы в отношениях в семье, отчужденность, внешняя враждебность [13]. Для кибержертв характерны более высокий уровень тревоги, симптомы фобий, дистресса и фрустрации. Они демонстрируют большую склонность к суицидальному поведению [13].

Эффект свидетеля [14] проявляется в кибербуллинге, когда наблюдатели не оказывают помощь жертве, особенно при большом количестве свидетелей. Механизмы этого эффекта связаны с групповой сплоченностью и диффузией ответственности, описанными А. Бандурой в концепции отчуждения моральной ответственности [15]. В онлайн-среде, возможности для размывания ответственности расширяются из-за анонимности и отсутствия невербальных сигналов [16]. Желание помочь жертве связано с самоэффективностью – восприятию людьми своей способности достигать поставленных целей и контролировать события своей жизни в ее социальных и эмоциональных аспектах [17]. Свидетели с более высоким уровнем самоэффективности чаще утешают жертву, чем противостоят агрессору [18].

Распространенность феномена кибербуллинга обуславливает необходимость профилактических мер для повышения цифровой грамотности, развития эмпатии и конструктивного взаимодействия между членами общества в интернет-пространстве. Анализ ролевой структуры кибербуллинга выявляет его сложную социальную динамику и негативное влияние на всех участников.

Список литературы

1. Янова Н.Г. От буллинга к антибуллингу: школьные программы профилактики агрессии / Н.Г. Янова. – Барнаул: Принт-Экспресс, 2021. – 180 с.
2. Olweus D. Bullying at school: basic facts and effects of a school based intervention program // Journal of Child Psychology and Psychiatry. 1994. №35. Pp. 1171–1190.
3. Olweus D. Bullying at school: What we know and what we can do. Malden, MA: Blackwell Publishing. 1993. 140 pp.
4. Olweus D. (1974). Hakkekyllinger og skoleboller: Forskning om skolemobbing. Oslo: Cappelen.
5. Patchin J.W., Hinduja S. Measuring cyberbullying: implications for research // Aggression and Violent Behavior. 2015. №23. Pp. 69–74.

6. Salmivalli C. Consequences of School Bullying and Violence // Taking Fear out of Schools. Stravanger: University of Stravanger, Centre for Behavioural Research. 2005.
7. Smith P.K., Mahdavi J., Carvalho M., Fisher S., Russell S., Tippett N. Cyberbullying: Its nature and impact in secondary school pupils // Journal of Child Psychology and Psychiatry. 2008. №49. Pp. 376–385.
8. Кибербуллинг: как не допустить проблем из-за травли в интернете // Kaspersky Safe Kids [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://kids.kaspersky.ru/article/kiberbulling_kak_ne_dopustit_problem_iz-za_travli_v_internete (дата обращения: 03.05.2025).
9. Robin M. Kowalski, Susan P. Limber Electronic Bullying Among Middle School Students // Journal of Adolescent Health. 2007. №6. Pp. 22–30.
10. Joinson A. Causes and implications of disinhibited behavior on the Internet // Psychology and the Internet: Intrapersonal, interpersonal, and transpersonal implications. 1998. Pp. 43–60.
11. Бочавер А.А. Кибербуллинг: травля в пространстве современных технологий / А.А. Бочавер, К.Д. Хломов // Психология. Журнал Высшей школы экономики. – 2014. – №3. – С. 178–191. EDN TWHXXF
12. Sari S.V. Was it just joke? Cyberbullying perpetrations and their styles of humor // Computers in Human Behavior. 2016. №54. Pp. 555–559. DOI 10.1016/j.chb.2015.08.053. EDN YCRPOB
13. Tokunaga R.S. Following you home from school: A critical review and synthesis of research on cyberbullying victimization // Computers in Human Behavior. 2010. №26 (3). Pp. 277–287.
14. Latane B., Darley J.M. Group inhibition of bystander intervention in emergencies // Journal of personality and social psychology. 1968. №10 (3). P. 215.
15. Bandura A. Social foundations of thought and action: A social cognitive theory. Englewood Cliffs: Prentice-Hall, 1985. 544 p.

16. Macháčková H., Dedkova L., Sevcikova A., Cerna A. Bystanders' support of cyberbullied schoolmates // Journal of community & applied social psychology. 2013. №23 (1). Pp. 25–36.

17. Olenik-Shemesh D., Heiman T., Eden S. Bystanders' behavior in cyberbullying episodes: Active and passive patterns in the context of personal-socio-emotional factors // Journal of Interpersonal Violence. 2015. №32. Pp. 23–48.

18. DeSmet A., Bastiaensens S., Van Cleemput K., Poels K., Vandebosch H., Cardon G., De Bourdeaudhuij I. Deciding whether to look after them, to like it, or leave it: A multidimensional analysis of predictors of positive and negative bystander behavior in cyberbullying among adolescents // Computers in Human Behavior. 2016. №57. Pp. 398–415.